

—А ещё я пытался воспитывать Коренькова. В первые месяцы его работы у нас я присматривался к нему. Как работник он меня вполне устраивал. Вначале выявились его общая грамотность в физике и математике, старательность, усидчивость, то есть по крайней мере как исполнитель он уже был достаточно хорош. Когда же Юра освоился в предложенной ему тематике (моделирование E и F1-областей ионосферы), стало ясно, что он вполне способен и к самостоятельной научной работе, инициативен, увлечён. Этим он явно выделялся в нашей группе, особенно в тот период, когда Костя Латышев от научной работы уже отошёл, а Клименко и Смертин ещё по-настоящему не раскочегарились. Соответственно проявлялось и моё отношение к Коренькову в производственной сфере, так сказать: я ставил его в пример другим к неудовольствию Медведева и Бобарькина.



Я и Кореньков за моим рабочим столом в кирхе, 1976 г.

—В других же "сферах" мы с Кореньковым сходились медленнее.

—Его главным увлечением в жизни были горы. Альпинистом он был заядлым и достаточно классным, ходил по кандидатам в мастера спорта, побывал на вершинах всех четырёх семитысячников Советского Союза, получив тем самым право именоваться "снежным барсом". Каждое лето помимо своего законного очередного отпуска он брал ещё месяц за свой счёт, предъявляя справку участника первенства Союза по альпинизму (а выступать он продолжал за свой новосибирский "Буревестник"), и пропадал, обычно на Памире, с конца июня по конец августа, а то и по начало сентября.

—Юра неплохо фотографировал, снимал в горах простым стареньким широкоплёночным "Любителем" и делал вполне приличные видовые снимки. Для фотопечати он приобрёл дорогой польский фотоувеличитель "Крокус" на любые форматы плёнки, в юности я о таком мечтать только мог! Увлекался он и цветными слайдами, демонстрируя их гостям дома через диапроектор в качестве десерта после выпивки.

—И в радиотехнике он оказался докой с умелыми руками, даром что работать в теории пошёл: купил по дешёвке (за 60 р.) дохлый цветной телевизор и полностью восстановил его сам, потратив на это, правда, пару месяцев. И на пианино Юра мог "сбацать" для компании...

—Разговоры на темы политики, литературы он поддерживал вежливо, но без

энтузиазма, не то, что Серёжа Лебле, скажем, или Женя Кондратьев. Живо это его, как будто бы не интересовало, либо он не склонен был откровенничать; сначала мне казалось именно последнее. Во всяком случае Юра производил впечатление существенно более интеллигентного человека, чем все остальные, с кем я непосредственно контактировал на работе (Лебле, Кондратьев и Кочемировские к последним не относились). Меня к нему тянуло, я приглашал его в походы по зимнему заливу за корюшкой и судаком, и одно время ходил с ним на рыбалку чаще чем с кем-либо другим, чем с Серёжей даже. Прогуляться по заливу Юра всегда был не прочь, а вот настоящий рыбацкий азарт в нём так и не прорезался.

— Его жена Нина - спортивно стройная женщина, роста повыше среднего, темноглазая, темноволосая и носопыристая, с несколько резковатыми манерами, работала у нас инженером-электронщиком по обслуживанию и эксплуатации ЭВМ, работала увлечённо и даже азартно, принимая близко к сердцу все производственные неурядицы. К своему непосредственному начальству - Шандуре (начальнику машины) и особенно к Лаговскому (заведующему сектором автоматизации, которому подчинялся и Шандура) Нина относилась весьма неуважительно, считая их недостаточно компетентными профессионально, чтобы командовать ею, зато боготворила Иванова за умелые радиоинженерные руки и за его манеру держаться на своём посту начальника - заведующего обсерваторией, демократичную, но и жёсткую, когда надо.

— В своё время Нина тоже ходила в горы, но заработала где-то радикулит, да ребёнок родился, Алёшка, и теперь ей оставалось только завидовать Коренькову. Нам с Сашулей Нина очень нравилась - энергичная, расторопная, компанейская, и Юра был симпатичен, так что Кореньковы легко и естественно влились в компанию наших друзей. После отъезда Тихомировых и Бирюковых, и когда мы сами переехали в Калининград, в Ладушкине они (с Шагимурастовыми) стали самыми близкими для нас приятелями, у них мы чувствовали себя как дома, но именно благодаря Нине в первую очередь.

— Но вот на одной из вечеринок, когда мы с Ниной курили на балконе, и я, так просто, спросил: - Как жизнь? - она пожаловалась мне:

— - Сашенька, дорогой, я так устала с этим Кореньковым!

— - А что такое?

— - Не любит он меня, паразит. Слова ласкового не скажет, смотреть на меня не хочет.

— - Да брось ты!

— - Ты не знаешь, какой он вредный!

— У Нины покатались слёзы.

— Мне показалось, что всё это просто спьяну, истерика, мало ли что женщине в голову взбредёт. Я стал её успокаивать: мол, всякое, конечно, бывает, мужики все такие - нечуткие, грубые, а так Юра - прекрасный парень, слава Богу, теперь я его хорошо знаю. Так будет работать - скоро диссертацию защитит.

— - Да я не спорю, он умница, хороший специалист, и всё такое, а меня ни во что не ставит, я ему только как домохозяйка нужна!

— Такие откровения Нины передо мной стали повторяться. Не осталась в стороне от них и Сашуля. Поначалу я недоумевал. Кореньков казался мне хорошим семьянином. Как-то в Вильнюсе, в командировке, после работы сидели, выпивали, разговор зашёл о детях, и Кореньков заявил:

— - Один сын - это не сын, два сына - это полсына, а три сына - это сын!

— - Ты, что, в самом деле троих завести собираешься?

— - А как же!

— - Ну, давай, давай.

— Похоже было, что Кореньков говорил вполне серьёзно. К единственному пока своему сыну, Алёшке он относился с любовной гордостью.

— Невольно я стал присматриваться к внешним проявлениям взаимоотношений в чете Кореньковых. Для Юры вообще была характерна ироничная манера разговаривать с

близкими людьми, но с Ниной эта ироничность была не мягкой, как с другими, а с оттенком желчности. Реагировала Нина на его реплики очень нервно, сразу горячилась, повышала тон - Коренькову же будто только того и надо было, он как будто нарочно дразнил её, сам оставаясь при этом внешне абсолютно невозмутимым.

— Поводы для этих микросхваток были обычно самыми пустяковыми. Собственно, наблюдал я эти стычки и раньше, до того ещё как Нина стала жаловаться мне на Коренькова, но не придавал им никакого значения. Теперь же мне стало казаться, что Кореньков сознательно выводит Нину из себя.

— Я и сам на себе испытал неприятные ощущения, которые вызывало необъяснимое упрямство Коренькова в спорах по каким-нибудь непринципиальным вопросам, по мелочам, сопровождавшееся злым ехидством, нередко с передёргиваниями. В таких случаях, которые, в общем, бывали нечасто, на Коренькова как будто что-то накатывало. С Ниной же, судя по всему, такая манера разговора у него уже вошла в привычку. Меня, Сашулю, Галину Якимову - нашу новую сотрудницу, жившую в ожидании квартиры у Кореньковых (Нина предложила), их нелады огорчали: надо же, хорошие оба ребята, а живут как кошка с собакой.

— А тут за Кореньковым я стал замечать ещё одну черту, которая меня в нём раздражала, - крохоборство, коего, впрочем, я и сам не был лишён. В командировках мы вели пьющий образ жизни, и обычно складывались на выпивку перед заходом в магазин, "сбрасывались", как говорится, после чего подчистую тратили сброшенное на спиртное и закуску. Но часто покупал всё кто-либо один, за свои, или складывались только на спиртное, а закуску покупали, что кому нравится, потом расходы подсчитывались и делились на всех, эту бухгалтерию вёл обычно я. Точно рассчитаться между собой не всегда удавалось из-за отсутствия разменной монеты, да и в магазине не будешь же записывать сколько чего истрачено с точностью до копейки, так запоминали, на глазок. Образовывались всевозможные взаимные долговые цепочки - ты ему рубль двадцать должен, а я тому два тридцать и так далее. Порой долги забывались, в общем, расчёт вёлся весьма приблизительно, хотя я и стремился внести пунктуальность в эти наши денежные взаимоотношения.

— Саенко над моим подсчитыванием иронизировал, давая понять, что считает его крохоборством, недостойным мужчины. Он, как и Иванов, легко относился к возможным переплатам со своей стороны и верил в такое же отношение у остальных. Костя Латышев в пору тесного нашего собутыльничества всегда строго следил за правильностью расчёта, надеясь тем самым сдерживать рост своих долгов, но не останавливаясь в случае желания выпить ни перед какой ценой (предпочитая, впрочем, водку подешевле) и не рискуя оказаться в недопитии из-за недостаточности закупленного.

— Кореньков же, как я заметил, никогда не отказываясь составить компанию, всячески избегал платить первым в магазине - его почему-то всегда опережали, или вообще покупать за свои, уступая это право другим, при расчётах предпочитал оставаться в долгу и не спешил отдавать, бывало, что и забывал, приходилось напоминать, но своё вытребовывал непременно и сразу, если вдруг кто-то оказывался должен ему.

— Раз, другой - это могло показаться случайностью, но складывались мы так часто, что уже можно было наводить статистику, и я убедился, что не спешить заплатить за других и не спешить отдать долг - правило Коренькова.

— В душе я возмущался - вот жлоб, альпинист ещё, как его в команде терпят! Я и сам крохобор, люблю точный расчёт, но надо же и меру знать, уж так-то неприлично просто.

— И совсем он меня ошарашил, когда взял натурой плату с Жени Емельяновой - нашей лаборантки, известной куркулихи, за фотографии её сына, которые он сделал по её просьбе. Ездил для этого к ним на хутор и приволок оттуда, не стесняясь, пару трёхлитровых банок с соленьями - огурчики, грибочки.

— И не стыдно тебе через весь Ладушкин с этими банками переться? Все ведь знают, что ты к ним (Емельяновым) ездил Димку фотографировать!

— А я и не просил, она сама мне дала.

— А ты, конечно, не мог отказаться?

— А чего это я буду отказываться? Дают - бери.

— Ну ты даёшь! - не находил я слов. - Научный сотрудник у лаборанта натуроплату за фотографии берёт! Мой лучший работник! Срам. Емельяниха, конечно, не знает, что тебе эти фотографии раз плюнуть - среди прочих своих - сделать, да она и не представляет себе других взаимоотношений кроме как "ты - мне, я - тебе", а ты-то, интеллигент ведь!

— Но Юра стоял на своём:

— Дали от души, у них этих банок полны погреба, чего ж не взять?

— Конечно, если бы это был не Кореньков, лидер нашей группы, который, кстати, несмотря на своё куркульство и в отличие от университетских, никогда не жаловался на низкую зарплату, не требовал прибавки, не настаивал на переводе с инженеров в эмэнэсы, - а кто угодно другой, то я бы на всё это особого внимания не обращал. Но у Юры было слишком много других достоинств, чтобы равнодушно относиться к этим его недостаткам, бороться с которыми я посчитал своим долгом.

— И я стал вести с Кореньковым душевительные беседы, выбирая для этого случаи, когда мы оказывались с ним с глазу на глаз, не без бутылки, конечно, - трезвый я бы не отважился лезть к нему в душу. Я призывал его не быть столь безжалостным по отношению к Нине. Он же обвинял её самоё: на работе горит, а дом забросила, на обеды даже не ездит, приходится самому всё разогревать. Чувствовалось, что его раздражает Нинкин производственный энтузиазм, смешат страсти, которыми она кипела во взаимоотношениях с Шандурой, Лаговским, другими своими коллегами. Естественно, что его раздражённое иронизирование по поводу этих страстей Нину обижало, а Юру раздражала эта обидчивость, и всё накручивалось одно на другое. Никто не хотел уступать.

— Я пытался убедить Юру, что глупо относиться к женщине как к полноправному партнёру в логическом споре, умнее - уступить, обоим легче будет. Кореньков не соглашался - она сама всё время в мужики лезет, пусть тогда и не жалуется. Пусть, мол, не омужичивается, тогда и он будет к ней как к женщине, а не как к мужику относиться. Нина, действительно, временами как бы разыгрывала из себя эдакого своего парня, но немного, чуть-чуть; Коренькова же это, похоже, бесило.

— Отвергал он и мои обвинения в крохоборстве, переадресовывая их мне самому:

— Копейки считаешь? Ну и считай. А я их не считаю, у нас в Новосибирске никто не считал.

— Вот ты этим, наверное, и привык пользоваться. Первым никогда не платишь и долги сам не отдаёшь, обязательно напоминать надо.

— Подумаешь, сегодня ты за меня заплатил, завтра я заплачу.

— Что-то у тебя этого завтра не видно.

— Ну, значит, такое вот я говно, - заключал Кореньков.

— Этим наши разговоры и кончались. Вскоре они мне надоели, я махнул рукой на упрямого Коренькова, перестал приставать к нему, общаясь лишь по работе, где всё у него шло по-прежнему хорошо. Работал он теперь практически самостоятельно, первым из наших стал писать статьи без соавторов. Во мне он уже особенно не нуждался, хотя и регулярно советовался, консультировался, приносил тексты статей и отчётов на редактирование. Большую часть моего рабочего времени занимали Клименко и Смертин. Ездить же в гости к Кореньковым я стал реже - не тянуло. Ладушкин отдалялся всё больше и больше.

*(продолжение следует)*